

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ ГОСУДАРСТВА

Ека АВАЛИАНИ

(Тбилисский Государственный Университет, Грузия)

Объектом нашего исследования являются модели древних культур (цивилизаций), территориально охватывающих земли Средиземноморского бассейна и Ближнего Востока. Этот историко-географический ареал, начиная с эпохи Неолита, представлял собой тот напряженный культурный эпицентр, где непрерывно шли процессы формирования и развития культур. Отмеченные культурные модели эпохи средней и поздней бронзы предлагают нам те параметры, которые характеризуют высоко-развитые цивилизации.

При систематизации и классификации этих культур (цивилизаций) мы особо выделили три параметра: а) географическо-региональный, б) этнический и г) индивидуальный “духовный” феномен культуры. В процессе исследования выяснилось, что каждая модель охватывала конкретное историко-географическое пространство и на различных этапах развития увязывалась с определенными историко-хронологическими отрезками.¹

Как мы уже отметили, в классификации цивилизаций одним из исходных параметров для нас был и этнический показатель; известно, что вопрос взаимоотношения “культуры” и этноса является одним из проблематичных в процессе исследования древних цивилизаций.²

Ниже мы подробнее остановимся на каждом из этих аспектов, определяющих специфические типы древних культур.

1. Географическо-региональный (территориальный) аспект

В настоящее время представления о культуре (цивилизации) как о стойком политическом пространстве являются предметом широких дискуссий³. Многие ученые культуру (цивилизацию) рассматривают в связи с определенной территорией.⁴ Установление границ культуры способствует определению ареала ее распространения, восстановление же политических границ помогает установить и учесть частоту соприкосновения и взаимовлияния культур.⁵

В случае объекта нашего исследования – моделей древних цивилизаций (ориентальный и средиземноморский мир) – в большинстве своем историко-географический ареал распространения этих культур четко выражен. Этот ареал совпадает с границами влияния государственно-политического организма цивилизаций (ярким примером тому являются Египет, Хеттское царство, Минойско-Микенское государство). Хотя совершенно иную историческую реальность с этой точки зрения представляют собой месопотамский и восточно-средиземноморский мир. В III тысячелетии до н.э. в Месопотамии формируются т.н. “ранние государственные модели” (государственные единицы)⁶, совокупность которых рассматривается как вид⁷ самой месопотамской цивилизации. Эти отдельные города-государства имеют собственные границы и автономный социально-экономический и политический статус.⁸ Они занимают небольшие территории, приблизительно 1500 кв. км, расстояние же между различными центрами составляет около 40 км. Города-государства характеризуются идентичными историко-культурными параметрами.⁹ Часто эти города (например, Ур, Лагаш) возникают как независимый государственный организм и их политические границы не совпадают с реальным ареалом распространения смешанной культуры, который гораздо шире. Следует отметить, что на определенных этапах развития истории Двуречья имеет место

объединение названных политических единиц вокруг одного центра, хотя этот процесс, в отличие от египетского мира, носит довольно хрупкий характер. То же самое можно сказать о восточно-средиземноморской модели, где единый вид цивилизации создают независимые города-государства со своими нечетко выраженными границами, не совпадающими непосредственно с ареалом распространения цивилизации.¹⁰

Таким образом, учитывая структуру данных цивилизаций, мы классифицировали их в два типа: а) первый тип цивилизации (Египет, Хеттское царство, Крит-Микены) распространяется непосредственно в тех границах, которые почти совпадают с государственно-политическими границами. Этому типу цивилизации соответствует сильно централизованный государственный организм. б) Второй тип цивилизации (Месопотамия, Финикия-Сирия) охватывает определенное географическое пространство, внутри которого выделяются локальные культурные центры (например, Тир, Угарит, Библос, Лагаш) с независимой внутренней пограничной полосой, представляющие собой независимые культурно-политические единицы. Несмотря на то, что конгломерат данных моделей создает единый вид цивилизации, отдельные их границы не представляют собой непосредственно крайних границ распространения этой цивилизации.¹¹ Например, когда речь идет о городе Тире, одном из значительных центров финикийской цивилизации, он рассматривается как независимая культурная модель, границы которой не совпадают с границами распространения финикийской цивилизации. Она значительно меньше по сравнению с ареалом реального влияния финикийской цивилизации, хотя, с другой стороны, сама финикийская цивилизация не существует как таковое отдельное понятие без подобных локальных центров, без таких моделей; она есть единство, созданное именно этим многообразием. Первый тип условно можно назвать “централистским”, второй же тип возможно рассматривать как “открытую плюралистическую” модель.¹²

В связи с отмеченными вопросами наше внимание привлекло также исключительное отношение к границам (в процессе размежевания территорий), которое мы встречаем в старых исторических источниках, сохранивших с этой точки зрения интересную информацию в отношении ближневосточных цивилизаций.

В месопотамском мире границы между государственными политическими единицами, как правило, устанавливало божество. Например, “Энлил, владыка всех божеств”, устанавливает границы Шара и Нингирсу, Месалим же, царь Киша, на этом месте воздвигает религиозный монумент.¹³ Такая же граница устанавливается в III тысячелетии до н.э. между Умой и Лагашем¹⁴, причиной конфликта между которыми была плодородная долина Гуедены¹⁵. Границы в Двуречье являлись не только политико-юридическими, но и религиозно-сакральными границами, где, как правило, воздвигались памятники определенного религиозного содержания.¹⁶

Пограничные монументы появляются и в египетских источниках. Например, город Ахетатон был отмежован от Эль-Амарны определенными монументами.¹⁷ Такие же памятники появляются на Синайском полуострове; эта территория представляла собой приграничную полосу между Ханааном и Египтом.¹⁸

По приказу правителей Ассирийского государства пограничные стелы воздвигались преимущественно в тех регионах, где имелись спорные с Анатолией территории. Там ставились пограничные камни с надписями о том, чьей собственностью была означенная территория и какая кара ожидала нарушителя границ.¹⁹ На стелах подобного типа часто дается перечень тех деревень и городов, которые попадали в означенный регион. В хеттских источниках зафиксирована детальная информация о границах Хеттского государства (II тысячелетие до н.э.). На пограничных стелах давался перечень городов, деревень, населенных пунктов.²⁰ На дошедшей до нас бронзовой табличке сохранилась надпись, касающаяся соглашения-сделки между Тутха-

лием IV и Курантой, царем Тархунтаса, по поводу установления границ между двумя сторонами.²¹

Вообще в древнем мире к пересмотру территориальных границ относились с исключительной осторожностью, поскольку границы сами по себе представляли сакральную межу и определяли лицо государства или города; границы устанавливались божьей волей. В случае пересмотра границ необходимо было предъявить юридический документ, подтверждающий “древность и действительность” новой границы. При этом обязательно следовало учесть волю населения (желало оно или нет изменить границы и войти в состав нового территориально-регионального пространства).²²

2. Этнический показатель как определяющий аспект культуры и цивилизации

На этапе древних цивилизаций определение этнического показателя общества, с одной стороны, и его отождествление с культурой или цивилизацией, с другой, – достаточно сложный вопрос. Эта проблема является довольно спорной в современной науке и подход к ней ученых далеко неоднозначен. В недалеком прошлом увязывание этнического элемента с государством и отождествление последнего с материальной культурой²³ происходило довольно упрощенно, хотя при этом не учитывались такие субъективные либо объективные факторы, как миграция, перемещение народов, возникновение новых групп народов, культурный синтез и этническая ассимиляция.

Исключительно спорным вопросом является увязывание социального организма с этнокультурной и, с другой стороны, отождествление “народа” с “сосудом”²⁴. Хотя, сегодня уже нельзя отрицать того факта, что материальная культура сама по себе является определенным индикатором в процессе идентификации той или иной цивилизации или культуры. Ясно, что “специфический стиль”, существующий в искусстве, можно связать

с “этническим, национальным вкусом”, традициями, менталитетом, и, с другой стороны, возможно, чтобы ареал распространения данного искусства не выходил за рамки существования того или иного социума.²⁵ Нельзя исключать и другой реальности, т.е. когда ареал распространения материальной культуры выходит за рамки ареала распространения собственно культуры и создающего этноса, для которого данная материальная культура является типичной.²⁶ Образцы этой материальной культуры могут быть обнаружены и в пределах совершенно чуждой этнической и государственной организации,²⁷ и объяснение этого факта, естественно, осложняется.

По нашему мнению, при определении типа цивилизации и его увязывании с сугубо этническим феноменом в эпоху древней истории следует быть предельно осторожным.²⁸ Прежде всего следует помнить, что часто происхождение этносов имело совершенно разные корни, хотя не исключено, что имело место и их “связывание” в рамках одного государственного организма (хаты-хетты-хуриты, догреческое-греческое население).²⁹ Исходя из принципа гомогенности известно, что видовые понятия (в нашем случае – этносы) должны иметь нечто общее, что даст возможность объединить их в одно родовое понятие.³⁰ В данном случае под родовым понятием можно подразумевать государственную организацию и саму цивилизацию, объединяющую дохеттские-хеттские, догреческие-греческие этносы. Означенное “объединение” в случае анатолийской, эгейской и месопотамской цивилизаций привело нас к почти общим результатам: в пределах одной цивилизации один из этнических элементов оказался “поглощенный” другим. На определенном отрезке истории хаты были поглощены хеттами, догреческое население – греками, шумеры – семитами. Несмотря на процессы ассимиляции и их последствия, в названных цивилизациях “поглощенный этнический элемент” оставил свой след, в частности, определенную систему культурных ценностей, которая обусловила лицо эгейской, анатолийской и месопотамской цивилизаций.

Оказалось, что в древневосточной средиземноморской модели, имеющей самую “открытую” форму цивилизации, действовал принцип, противоположный гомогенности – принцип гетерогенности. Например, с финикийским обществом одновременно “столкнулось” несколько этнических и культурных элементов (месопотамский, анатолийский и египетский), и в этом пространстве исторические процессы развивались по-иному. Прежде всего, этнос и его государственная организация не сумели полноценно реализовать себя в пределах собственного историко-географического пространства.³¹ Иностранное “культурное давление” отвело этой модели роль “посредника-проводника”, и тогда “эkleктическая структура” цивилизации проявилась почти во всех параметрах – формах художественного мышления, религиозных верованиях и представлениях, формах политической организации и социальных взаимоотношений. Финикийское искусство и его “национальный стиль” фактически сформировались под влиянием художественных традиций и вкуса Израиля, Сирии, Египта, Греции, Двуречья, Анатолии.³² В данном случае местный этнический элемент с определенной пассивностью как будто “противостоял” влиянию чужой культуры.³³ Единственной “консервативной” стороной этой культуры, пожалуй, можно считать опять-таки религиозные верования и представления, хотя и в этом случае культура не полностью избежала чуждого влияния.³⁴

В процессе анализа египетской цивилизации и этапов ее развития, которая среди рассмотренных нами оказалась наиболее “закрытой” моделью с этнокультурной точки зрения, выяснилось, что в XVIII в. до н.э., в так называемый второй переходный период, имело место проникновение чуждого этнического элемента.³⁵ Египет частично оказался покоренным гиксосами, более того, во главе государственной организации оказались гиксосские цари. Сосуществование египетского и чуждого культурных элементов продолжалось почти на протяжении века, хотя пришельцы так и не сумели мирным путем “усвоить” египетскую культуру, так же, как и египтяне не приняли чуждый этно-

культурный элемент. В случае данной цивилизации не имели места ни феномен гомогенности, ни феномен гетерогенности. Фактически, проникновение чуждого этнического элемента в египетскую государственную организацию с точки зрения существенного изменения культуры, дало нулевой результат.

3. “Духовный” феномен культуры

Выделенные нами при классификации и идентификации культуры (цивилизации) три аспекта, в частности “духовный” феномен культуры, увиденный нами во взаимосвязи частично религии (сознательного) и художественных форм (единство сознательного и бытийного), так же является спорной проблемой.

Часть ученых при идентификации культур практически отрицает существенную функцию художественной формы как специфического показателя культуры, ее связь с определенной этнокультурой и религиозными представлениями.³⁶ Согласно другой, отличающейся точке зрения, в современной этноархеологии имеет место увязывание определенной, специфической материальной культуры с конкретным этносом.³⁷ Хотя в исторической реальности встречаются факты, когда в случае “сосуществования” двух разных этноэлементов (имеющих различный язык и письменность) с ними связывается одинаковая материальная культура.³⁸

Как мы уже отметили, контекстуальная археология (РРА)³⁹ оперирует символическими аспектами художественных форм и связывает их с этнокультурными группами. И в процессе нашего исследования было ясно, что египетскую, месопотамскую, эгейскую, анатолийскую и восточно-средиземноморскую цивилизацию характеризуют специфические, самобытные художественные формы.⁴⁰ В то же время при соприкосновении и взаимосвязи этих цивилизаций имело место определенное взаимовлияние (следует учесть общие корни, культурно-торговые контакты, миграцию и т.д.). Все это вполне естественно, пос-

кольку ни одна цивилизация не развивалась в “романтической” изоляции.

В общественном сознании самой консервативной категорией является религиозное сознание, с которым связываются специфические художественные формы. В процессе нашего исследования для каждой модели цивилизации были разработаны характерные для них системы религиозных верований и представлений (естественно, с индивидуальными выразительными художественно-символическими образами). Однако, несмотря на это, при сопоставлении религиозной идеологии, ориентиров, верований и представлений, пантеона и выразительных средств разных цивилизаций мы сталкиваемся с явным их взаимосоотношением. По нашему мнению подобным “совпадениям” можно подыскать двоякое основание: а) общие верования и представления, восходящие к анатолийским истокам эпохи неолита и б) “религиозный синкретизм”, вызванный соприкосновением различных культур. В конечном итоге, следовало проявить предельную осторожность в процессе классификации названной материальной культуры и её увязывания с этнокультурами. Надо было учесть и тот этноисторический контекст, когда появилась разновидность тех или иных художественных форм, ибо образы, представленные в художественных формах, “характеризуют не обсидиан или какой-нибудь металл, а являются попыткой определенного претворения духовных форм народа в материальную категорию”.⁴¹

ЛИТЕРАТУРА

1. Сегодня многие ученые отождествляют культуру с определенным географо-территориальным пространством. Имеет место также увязывание культур с определенным временным отрезком (хронологические рамки). Ср. М. Jarmon, A Territorial Model for Archaeology: A Behavioural and Geographical Approach, *Models in Archaeology*, London (1972), 705-16. О связи со временем и территорией см.: С. Renfrew, Trade as Action at a Distance, *Ancient Civilization and Trade*, eds. J. Sabloff and G. Lamberg-Karlovsky. New Mexico (1975).

2. В связи с означенным вопросом ср.: C. Renfrew, *Approaches to Social Archaeology*. Cambridge (1984), 25. 25-36. Также I. Hodder, *The Contextual Analysis of Symbolic Meanings*, in: *The Archaeology of Contextual Meanings*, Cambridge (1987), 4-5.
3. В связи с означенным вопросом см.: R. Kletter, *Pots and Politics: Material Remains of Late Iron Age Judah in Relation to its Political Borders*, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 314 (1999), 19-55.
4. Jarman (1972), 705-712.
5. S. Green., and S. Perlman, *The Archaeology of Frontiers and Boundaries*, New York (1985), 4.
6. Ср. M. Van de Mierop, *The Ancient Mesopotamian City*, New York (1967), 23-25.
7. Ср. I. Hodder., and C. Orton, *Spatial Analysis in Archaeology*, New York (1976), 98-100.
8. Там же, 98-99.
9. Ср. C. Renfrew., and J. Cherry, *Peer Polity Interaction and Socio-Political Change*, Cambridge (1986), 1-2.
10. Как известно, финикийская культура имела довольно обширный географическо-исторический ареал распространения. Фактически “очертить” границы этой цивилизации не представляется возможным, настолько огромное пространство она охватывала. эпицентр же культуры простирался по восточно-средиземноморской прибрежной линии, где исторически возникли древнейшие финикийские города-государства.
11. M. Liverani, *Prestige and Interest: International Relations in the Near East ca 1600-1100 B.C.*, *History of the Ancient Near East Studies*, I, Padua (1990), 33-78.
12. В случае “открытых моделей” установление границ опирается на т.н. принцип стратегического моделирования, когда пограничную полосу между той или иной единицей установить довольно просто, стоит только восстановить изначальные границы. Гораздо сложнее разгадать границы распространения самой цивилизации. Ср. J. Justeson., and S. Hampson, *Closed Models of Open Systems: Boundary Considerations*, in: *The Archaeology of Frontiers and Boundaries*. New York (1985), 15-30.
13. J. Cooper, *Reconstructing History from Ancient Inscriptions: the Lagash-Umma Border Conflict*, *Sources and Monographs*, *Sources from the Ancient Near East*, Malibu (1983), 22, 49. Text 6.1.
14. Ср. I. Winter, *After the Battle is over: the Stele of the Vultures. The Beginning of Historical Narrative in the Art of the Ancient Near East*, *Studies in the History of Art*, 16, Washington (1985), 11-32. На этой территории обнаружена известная “стела коршунов”.
15. Ср. Cooper, 1983, 28-29.
16. Ср. Cooper, 1983, 23-24.

17. Ср. W. Murnane., and C. Van Siclen III, *The Boundary Stelae of Akhenaten*, New York (1993).
18. N. Naáman, *Borders and Districts in Biblical Historiography*, *Jerusalem Biblical Studies*, 4, Jerusalem (1986), 237-52. Указанная граница – “политическая граница”, которая отделяет две цивилизации.
19. V. Donboz, *Two Neo-Assyrian Stelae in the Antakya and Kharamanmaras Museums*, *Annual Review of the Royal Inscriptions of Mesopotamian Project*, 8, (1990), 5-24.
20. A. Goetze, *Kizzuwatna and the Problem of Hittite Geography*, *Yale Oriental Series, Researches* 22, New Haven (1940), 48, 63.
21. H. Otten, *Die Bronzetafel aus Bogaköy: Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV*, “*Studien zu den Bogazköy Texten*, Beiheft 1, Wiesbaden (1988).
22. Ср. Goetze, (1940), 37.
23. Ср. Renfrew, (1984), 25.
24. Ср. Kleffer, (1999), 19.
25. В связи с этим вопросом ср.: T. Sinclair, “All Styles are Good, Save the Tiresome Kind”, *An Examination of the Pattern of Stylistic Changes Occurring among Silver Candlesticks of the Eighteenth Century*, *The Archaeology of Contextual Meaning*, ed. I. Hooding, Cambridge (1987), 55. Также: N. Franklin, *Research with style: A Case study from Australian Rock Art*, *Archaeological Approaches to Cultural Identity*, Boston (1989), 278-90.
26. I. Hodder, *The Contextual Analysis of Symbolic Meanings*, in: *The Archaeology of Contextual Meanings*, Cambridge (1987), 5.
27. Там же, 5-6.
28. Понятие этнокультуры современный мир воспринимает и объясняет весьма своеобразно, хотя определение данного понятия в контексте древних цивилизаций абсолютно отличительно. Ср. Kletter, (1999), 24.
29. Hodder, (1987), 4-5.
30. Гомогенность и гетерогенность. Ср.: *Философский словарь*. Тб., (1987), 15.
31. Ср. W. Albright, *New Light on the Early History of Phoenician Colonization*, *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*, 83 (1941), 11-22.
32. Ср. I. Winter, *Phoenician and North Syrian Ivory Carving in Historical Context*, *Questions of Style and Distribution*, (1976), 1-13.
33. Аналогичная историческая реальность имеет место в Сирии. Если в Финикии происходит “египтизация”, то в Сирии идет “хеттизация”. Ср. H. Weiss, *Ebla to Damascus: Art and Archaeology of Ancient Syria*, Washington (1985).
34. О египетском влиянии в Ханаане и Транс-Иордании см.: E. Teeter, *The Egyptian Gallery of the Oriental Institute Museum*, 62, 2, NEA (1999), 93-127. О распространении египетских культов Исиды и Осириса см.: E. Otto, *Egyptian Art and Cults of Osiris and Amon*. London, 1966. См. также G. Markoe, *Phoenician Bronze and Silver Bowls from Cypros and the*

- Mediterranean, Classical Studies, 26, Brekeley, University of California (1985).
35. Ср.: И. Лапис. Новые данные о Гиксосском владычестве в Египте. ВДИ. 3, м. 1959, 84-88. Его же, 1958, 97-105.
 36. По мнению Ренфрю, мы имеем право классифицировать образцы материальной культуры по желательному нами методу, но, с целью избежания ошибок и неправильных выводов, лучше вообще не связывать материальную культуру с “народом” и “обществом” и т.д. Ср. Renfrew, (1984), 35-36.
 37. Ср. M. Schiffer, Methodological Issues in Ethnoarchaeology, in: Explorations in Ethnoarchaeology, New Mexico (1978), 229-47. Также С. Kramer, Ethnoarchaeology: Implication of Ethnography for Archaeology, New York (1979).
 38. Ср. Stanislawski, If Pots were Mortal, in: Explorations in Ethnoarchaeology, New Mexico (1978), 201-27.
 39. PPA – post processual archaeology. См. труды Hodder, 1987. Его же, 1982. Его же The Meaning of Things: Material Culture and Symbolic Expression, One World Archaeology, 6, London (1989) 110. Так же: I. Hodder, M. Shanks, A. Alexandi. J. Carman. eds. Interpreting Archaeology: Finding Meaning in the Past, New York (1995).
 40. И в случае финикийской – восточно-средиземноморской модели прослеживается определенный специфический стиль и тематика. Эта самобытность особенно характеризует художественные образцы религиозно-ритуального содержания. Ср.: S. Brown, Phoenician “Minos Arts” Contexts and Problems, Biblical Archaeologist, 2 (1992), 22-23.
 41. Ср.: R. Hughes., and R. Bettinger, Obsidian and Prehistoric Sociocultural Systems in California, in: Exploring the Limits: Frontiers and Boundaries in Prehistory, BAR, International Series, 223, Oxford (1984), 153-72.

S u m m a r y

ON THE QUESTION OF IDENTIFICATION OF POLITICAL AND ETHNOCULTURAL BORDERS IN ANCIENT NEAR EAST

Eka AVALIANI

(Tbilisi State University, Georgia)

It is a commonly accepted axiom that ethnically and religiously motley regions such as the ancient Near East were formed by different cultures. Different cultural units were coexisting and developing independently throughout many centuries in the Near East until the collapse of the late Bronze Age states.

In the process of classification and systematization of these cultures, we marked out three main parameters, which are related to these models: 1) geographical-territorial, 2) ethnical and 3) material culture, with its artefactual forms.

Many scholars see cultures as territorially related. Frontier and boundary studies can help us to mark out political and cultural influence of these models in the Ancient Near East.

Ethno-archaeology deals with relationships between ethnic groups and material culture, for example different styles can be related to a “national taste” in one case and to group boundaries in another. In our opinion, there is direct connection between ethnicity and artifacts. Material culture, with its diverse artefactual forms, defines the style and type of the Ancient Near Eastern cultures.